

Медицина изнутри

КНИГИ О ТЕХ, КОМУ
ДОВЕРЯЮТ СВОЕ ЗДОРОВЬЕ

СЮЗАННА О'САЛЛИВАН

Мозговой шторм

ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ ИЗ МИРА НЕВРОЛОГИИ

БОМБОРА™

Москва 2019

УДК 616.8
ББК 56.1
О-72

Suzanne O'Sullivan

BRAINSTORM

© Suzanne O'Sullivan, 2018. First published as Brainstorm by Chatto & Windus, an imprint of Vintage. Vintage is part of the Penguin Random House group of companies.

О'Салливан, Сюзанна.

О-72 Мозговой штурм: детективные истории из мира неврологии / Сюзанна О'Салливан ; [перевод с английского К.В. Банникова]. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с. — (Медицина изнутри. Книги о тех, кому доверяют свое здоровье).

ISBN 978-5-04-098701-6

Что общего между школьным уборщиком, которому видятся гномы, постоянно падающей балериной, офисным работником, потерявшим доверие к любимому человеку, и девочкой, которая все время убегает? Трудно определить, не правда ли? На самом деле все они страдают эпилепсией. Большинство из нас при этом слове обычно представляют совершенно другую картину: человека, бьющегося в конвульсиях. А ведь это только одно из многих проявлений этого заболевания. Насколько сложен наш мозг, настолько разнообразна и эпилепсия.

Эта книга состоит из историй. Станных историй. Загадочных историй. Она об эпилепсии и мозге. И о невероятной силе людей, которые каждый день борются с неизлечимым заболеванием.

УДК 616.8
ББК 56.1

© Банников К.В., перевод на русский язык,
2019

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-098701-6

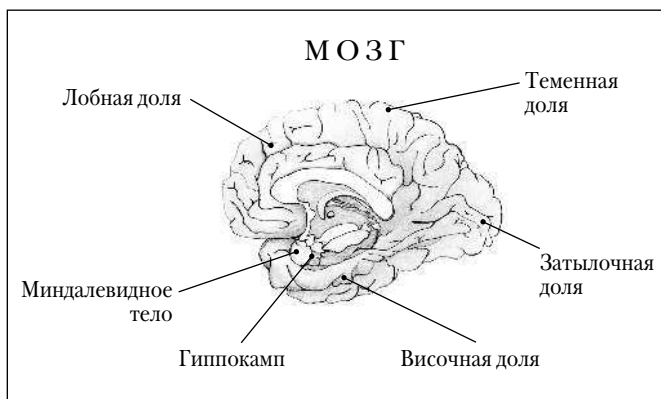
Посвящается Айслинг Келлам и Э. Х.

*Знания не убивают ощущения чуда
и загадки. Загадок мало не бывает.*

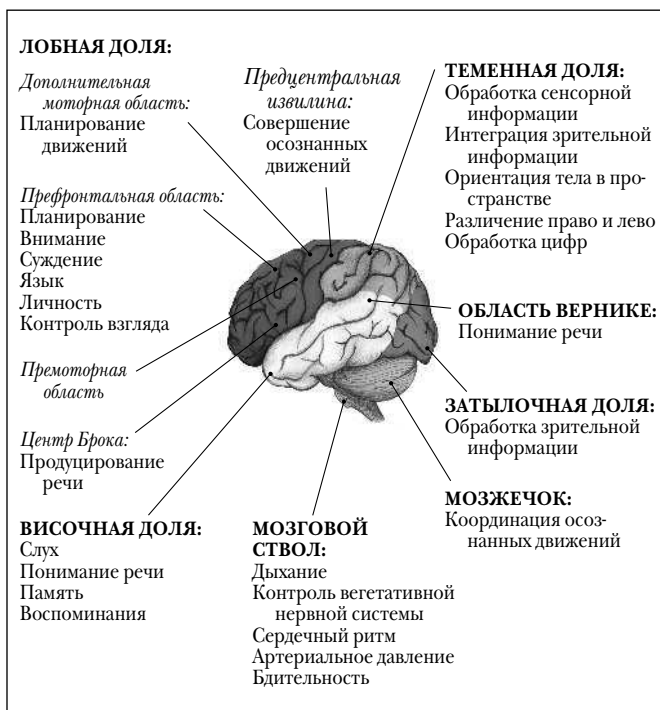
Анаис Нин

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	10
1 Вахид	33
2 Эми	65
3 Донал	82
4 Майя	111
5 Шерон	154
6 Огэст	185
7 Рэй	214
8 Ленни	247
9 Адриэнн	276
10 Майк	305
11 Элеанор	334
12 Марион	368
Благодарности	381

Медиальное сечение мозга

Мозговые функции, выполняемые долями

ВВЕДЕНИЕ

*Мозг – это мир, состоящий из неизведанных
континентов и неизвестных протяженных
территорий.*

Сантьяго Рамон-и-Кахаль

В клинике на пятьдесят пациентов было три врача. Я была самым молодым из них. Джон был старшим ординатором и работал в соседнем кабинете. Он был опытнее меня, и его знания были куда обширнее. Третий доктор был нашим старшим коллегой и супервизором.

Нам, как всегда, нужно было принять слишком много человек для отведенного на прием времени. Всем приходилось работать гораздо быстрее, чем хотелось.

Каждый сложный случай я должна была обсуждать с Джоном или супервизором. В то время мне казалось, что хороший врач работает быстро и не надоедает старшим коллегам, поэтому я всячески старалась избегать их помощи.

Карты пациентов лежали высокой стопкой на тележке у кабинета супервизора. Они были хорошо видны встревоженным людям в очереди. Все повернулись в мою сторону, когда я взяла несколько карт сверху и пошла в свой кабинет, чтобы с ними ознако-

миться. В них было всего по несколько страниц, и я почувствовала облегчение. Толстая карта означала годы болезней и хронические проблемы, которые, возможно, решить не получится. Так много неврологических заболеваний неизлечимы или тяжело поддаются лечению. Тонкая карта чаще всего свидетельствовала о небольшой проблеме, которая могла исчезнуть с момента последней консультации. Однако я тяжело вздохнула, открыв одну из карт. Мужчина до этого был в клинике только один раз, и тогда его принимала тоже я. Анализы, которые я ему назначила, были в норме, следовательно, я так и не нашла источник проблемы. Мне бы хотелось, чтобы его принял другой врач. Возможно, он бы заметил то, что я упустила.

Мужчина жаловался на странные ощущения в правой руке. Я осмотрела его тогда и не нашла ничего подозрительного. Я подумала, что причиной может быть зажатый нерв в шее. Назначила ему исследование нервной проводимости, чтобы проверить целостность нервов, идущих в руку. Они оказались в порядке. Я понимала, что если тому мужчине не стало лучше с нашей первой встречи, то я не знаю, что делать дальше. Надеюсь, что он все же выздоровел, я позвала его в кабинет.

— Как у вас дела? — спросила я.

— Все так же, — ответил он, и мое сердце ушло в пятки.

— Хорошо. Итак... Вы не могли бы еще раз рассказать о своей проблеме?

— У меня на правой руке появляется гусиная кожа. Очень сильная. Это все.

Из его уст это прозвучало так, будто только по одному этому симптому можно поставить диагноз, однако то, что он сказал, ни о чем мне не говорило.

— Чувствуете ли вы онемение?

— Нет.

— Между приступами гусиной кожи ваша рука покоит вас?

— В целом нет.

Мужчина сжал пальцы в кулак, а потом разжал их и уставился на беспокоящую его руку. Я пыталась понять, в чем может быть дело. Но у меня не получалось.

— Чувствуете ли вы слабость в кисти или предплечье?

— Нет... Наверное, нет... Но, когда возникают мурашки, в руке появляется такое странное ощущение, что если бы я держал ей какой-то предмет, то, наверное, уронил бы его.

— Как часто у вас мурашки?

— Они появляются раз в день на одну-две минуты. Иногда два раза в день.

Мужчине было чуть за тридцать. Он хорошо выглядел и ранее не имел проблем со здоровьем. Я не могла понять, почему его так сильно волновал симптом, который появлялся всего на минуту в день. То, что он описал, казалось мне чуть ли не пустяком.

— Ну что ж, хорошая новость в том, что по результатам обследования все в полном порядке, — сказала я ему. — Думаю, у вас нет причин для беспокойства.

Я произнесла эту ободряющую речь в надежде, что он ипохондрик, что ему просто хотелось услышать, что с ним все в порядке.

— Но в чем же причина?

О нет. Его голос был встревоженным. Результаты обследования его не успокоили. Он хотел получить больше информации, чем я могла ему дать.

— Не думаю, что описанное вами можно объяснить... Часто необъяснимые симптомы просто исчезают, если не обращать на них внимания. Гусиная кожа? Может, дело в температуре воздуха у вас в офисе? В кондиционере?

Я хваталась за соломинку, и мы оба это знали.

— По-моему, вы меня не понимаете. — Его голос стал выше. — Это мурашки, которые возвышаются над кожей, как муравейники. Это ненормально... Неестественно...

Я быстро краснею, когда чувствую себя не в своей тарелке. В тот момент я ощутила, как краснота ползет от шеи к лицу. У меня самой появилась гусиная кожа.

— Давайте я еще раз взгляну на ваши руки, — предложила я, выигрывая немного времени на размышление.

Я попросила его сесть на кушетку и снять рубашку. Я посмотрела на его мускулы — они казались нормальными. Затем проверила рефлексы неврологическим молоточком. С ними тоже все было в порядке. Я ткнула его руку неострой иглой, чтобы проверить чувствительность. Все было в норме. Измерила мышечную силу его рук. Возможно, захват его правой рукой был не настолько крепким, как левой, но у меня сложилось впечатление, что он просто недостаточно старался. Видимо, он хотел, чтобы я обнаружила у него какую-нибудь проблему.

— Не думаю, что могу объяснить это, — сказала я наконец.

Кажется, он закатил глаза. Я восприняла это как знак, что мне нужна помощь.

— Если вы не против подождать, то я обсужу проблему со своим супервизором, — сказала я.

— Спасибо, — ответил он с заметным облегчением.

У меня внутри все съеживалось, пока я шла по коридору к кабинету старшего коллеги. Я не хотела отвлекать его, только чтобы спросить, почему у мужчины время от времени появляются мурашки.

Я тихо постучала, и дверь открылась.

— Ага, и у тебя что-то пошло не так, — сказал Джон и, смеясь, впустил меня. Он тоже пришел к супервизору, чтобы обсудить пациента.

Он постоянно дразнил меня из-за каждой упущенной мной мелочи и напоминал мне о моих промахах при любой возможности. Я, в свою очередь, никогда не упускала шанса поквитаться с ним. Соперничество — неотъемлемая часть работы в медицине. Здесь ошибки, даже оправданные, обычно не забываются. Но несмотря на это в действительности мы нравились друг другу.

Я закрыла за собой дверь.

— Могу ли я посоветоваться с вами по поводу этого мужчины? — спросила я, указывая на карту в моей руке.

— Сколько там еще пациентов? — спросил в ответ супервизор.

Мы все сидели в своих кабинетах, стараясь работать как можно быстрее, и понятия не имели, сколько пациентов успели принять в общей сложности.

— На тележке довольно большая стопка карт, — сказала я ему, — но вы не могли бы поговорить с парнем, который сейчас в моем кабинете? Я не знаю, что с

ним делать. У него гусиная кожа на правой руке, и на этом все. Я направляла его на исследование нервной проводимости, и результаты оказались нормальными. Может быть, назначить ему томографию шеи? Это не что-то дерматомическое. При осмотре не получается ничего выявить.

Соперничество — неотъемлемая часть работы в медицине. Здесь ошибки, даже оправданные, обычно не забываются.

Дерматомы — это одна из многих анатомических структур нервной системы, которые используются неврологами, чтобы определить место в нервной системе, позвоночнике и мозге, с которым связаны симптомы пациента. Это сегменты кожи, к которым подходят нервные волокна из корешков спинномозгового нерва.

Кожа руки разделена на семь дерматомов. Если у вас появились странные ощущения в одном из них, например, над плечом или кистью руки, это говорит о проблеме в определенном нервном корешке. Я не могла понять, что не так с моим пациентом. Его странные ощущения в руке не вписывались ни в один четкий кожный сегмент, и я уже не знала, что делать. Я сфокусировалась на корешках спинномозгового нерва и предполагала, что у него может быть зажат нерв в шее, однако обследование показало, что я была не права.

— Ты обсуждала со мной этого мужчину, когда он приходил сюда в прошлый раз? — спросил супервизор.

— Да.